

Глава 34. Хочешь глянуть кино?

Го Маоли прождал в жалкой конуре Сунь Цзиня всё послеобеденное время. Жара стояла под сорок, он несколько раз пытался включить кондиционер и чуть пульт не разломал, пока не понял — электричества нет. Позвонил в службу поддержки, и выяснилось: счета не оплачены. Даже если пополнить баланс через приложение, нужно всё равно вставить карту в счётчик, чтобы «разбудить» систему, а электричества-то нет.

Глядя на выписку по счёту Сунь Цзиня, Го Маоли чуть не задохнулся от ярости. Хотя расследование ещё продолжалось, он первым же делом покинул офис и поехал напрямик на съёмную квартиру племянника. Сор из избы не выносят, и на этот раз, даже если жена потом проломит ему голову, он намерен преподать этому парню жестокий урок.

Он прождал до семи вечера, сидя на диване со скрещенными на груди руками и клюя носом. Ключи от машины он бросил на обувную полку у входа.

Сунь Цзинь вошёл в квартиру бесшумно. Заметив ключи, он мгновенно всё понял. Включив свет, он увидел дремлющего Го Маоли, но будить не стал. Положив на стол карту, которую только что приложил к счётчику в подъезде, он отправился на кухню — разогреть купленную по дороге утку.

Сегодня было воскресенье, но учёба не знала выходных.

Он тихонько напевал под нос. В кастрюле закипал бульон, на поверхности лопались ярко-красные маслянистые пузырьки, наполняя воздух соблазнительным ароматом. Окна и двери были плотно закрыты, заработал кондиционер, и запах жареной утки быстро заполнил всю комнату.

Го Маоли потянул носом и проснулся. Взгляд его на мгновение стал затуманенным.

— А, дядя, проснулись? Вы почему не предупредили, что приедете? Наверняка ведь не ели, — Сунь Цзинь, обернув ручки кастрюли мокрой тряпкой, водрузил на стол исходящую паром миску с уткой и овощами. — Выпьете?

Го Маоли поджал губы, чувствуя, как в груди закипает холодная злость.

«Ладно, — подумал он. — Сначала поедим, а потом сочтёмся».

— Составь мне компанию.

— Ой, дядя, я, пожалуй, пасану. Пить совсем не умею, — Сунь Цзинь осёкся, заметив, что Го Маоли посмотрел на него холодно. — Ладно-ладно, чуть-чуть пригублю. Крепкое точно не потяну, может, пива? Только дома нет, я сейчас мигом сбегаю.

Го Маоли молча выхватил из кармана две мятые сотни и швырнул на стол.

Сунь Цзинь денег не взял, лишь улыбнулся:

— На пиво-то у меня наскребётся. Вы присаживайтесь, начинайте без меня, я скоро.

Го Маоли ещё не решил, как поступить: устроить допрос с пристрастием, воззвать к совести или просто выставить племянника с вещами вон. Он задумчиво уставился на жирную плёнку бульона. В прохладной комнате блюдо должно было исходить паром, но слой масла надёжно удерживал жар внутри.

«Наверное, я сам виноват, — мелькнула мысль. — Надеялся, что из этой безнадёжной грязи можно хоть что-то слепить».

Минут через пять вернулся вбежавший Сунь Цзинь. Он сразу бросился умываться, даже не заметив мрачного настроения дяди. Открыв банку пива — открывашки дома не нашлось, — он пояснил:

— Неделю мяса нормального не видел, а завтра утром занятий нет. Дядя, тётя сегодня не дома? Вы по какому делу?

Сунь Цзинь выглядел бодрым, интенсивная неделя обучения явно пошла ему на пользу. Го Маоли молчал. Его пальцы так сильно сжали банку, что жёсть прогнулась. Он поднял пиво, салютуя племяннику:

— Пей.

Сунь Цзинь неловко чокнулся с ним.

— Пьём.

Он осушил банку залпом. В животе заурчало от газов, но зато стало прохладно и легко.

— Фух, я же говорю — не моё это. Сейчас развезёт, — Сунь Цзинь замахал руками и потянулся палочками к еде, призывая дядю следовать его примеру.

К счастью, Го Маоли не заставлял его пить банку за банкой. Когда с едой было почти покончено, он наконец заговорил:

— Ты на днях получил на счёт двадцать тысяч?

Сунь Цзинь замер. Он поднял глаза к потолку, вспоминая, и несильно хлопнул себя по лбу.

— А, это от кузена господина Вэня прилетело. Я как раз хотел вам сказать... Я всё обдумал, дядя. Серьёзно обдумал. Нельзя мне больше этим заниматься. Хочу сосредоточиться на учёбе. Буду просить вас помочь мне — может, какую массовку подкинете? И ещё хотел узнать, можно ли мне посещать уроки актёрского мастерства в «Хуанъинь»?

Го Маоли почувствовал, как невольно усмехнулся.

— Хочешь посещать уроки?

Сунь Цзинь закивал.

— Хрен тебе, а не уроки! — Го Маоли с силой грохнул банкой по столу. Пиво выплеснулось, заливая скатерть.

Сунь Цзинь застыл, в голове воцарилась пустота.

— Ты снова продал график Вэнь Жунси его кузену и после этого ещё имеешь наглость просить меня о протекции?! На занятия он захотел, роли ему подавай! Ты на свою рожу в зеркало смотрел? Совесть-то есть?! — Го Маоли сорвался на крик. — Ты отличный актёр, парень, зачем тебе курсы? Доигрался? Радуйся! Я даже в компании не рискнул об этом заикнуться, чтобы позору не набраться. Собирай шмотки и катись в свою деревню. Всё, Сунь Цзинь. Ты меня разочаровал. Глубоко и окончательно.

— Я... я собирался вернуть эти деньги... — Сунь Цзинь пытался вставить слово, но Го Маоли не давал ему опомниться. — Клянусь, я ни копейки от Вэнь Янпэна не тронул! Все эти дни на одной варёной капусте сидел...

Го Маоли посмотрел на ломящийся от утки стол и не нашёл, что ответить. Сунь Цзинь перехватил его взгляд и попытался объяснить снова, но безуспешно.

— Если ты не уедешь, я сам не смогу работать в «Хуанъинь», — отрезал Го Маоли ледяным тоном. — Я давал тебе шанс. Ты его просрал.

У Сунь Цзиня покраснели глаза. Кусок утки в горле стал безвкусным, как резина. Он с трудом сглотнул и посмотрел на дядю.

— Значит, вы мне не верите?

— А в чём мне тебе верить? — Го Маоли провёл рукой по волосам, он мелко подрагивал. — Я предупреждал тебя: не смей воровать секреты компании. График артиста — это коммерческая

тайна. Ты контракт подписывал! Этот скандал дошёл до самой Чжан Ижун. Разбейся сам.

Сунь Цзинь молча смотрел на стол. Затем поднял голову. Глаза его блестели, кончик носа покраснел. Он открыл рот, но голос подвёл его. Глубоко вдохнув, он выдавил сиплым, надтреснутым голосом:

— Значит, вы уже всё решили?

— Ты деньги от Вэнь Янпэна получал?

Раздался грохот. Го Маоли едва успел отпрянуть. Миска с недоеденной уткой полетела на пол, забрызгав всё жирным бульоном. Сунь Цзинь, не говоря ни слова, скрылся в спальне. Оттуда донёсся скрежет молнии — он вытащил старый джинсовый рюкзак и принялся лихорадочно запихивать в него вещи.

Го Маоли застыл в дверях спальни.

— Это что ещё за манеры?!

— Погодите! — рывкнул Сунь Цзинь так, что голос сорвался на визг.

Он не поднимал головы, работая руками с невероятной скоростью. Стрёб со стола лосьоны, фотографии, маленький ноутбук. Когда он выпрямился, Го Маоли заметил на его шее влажную блестящую дорожку.

Дядя потёр лицо, голос его стал тише:

— Я не гнал тебя прямо сейчас. Куда ты собрался? Домой?

Сунь Цзинь промолчал, заталкивая в рюкзак томик стихов. Когда он попытался пройти мимо Го Маоли, тот крепко вцепился в ляжку рюкзака.

— Я тебя спрашиваю!

— Да. Уезжаю, — процесс сборов помог Сунь Цзиню немного прийти в себя. Он поднял взгляд на дядю.

У Го Маоли ёкнуло в сердце. Глаза парня были влажными. Сунь Цзинь всегда выглядел немного болезненно-хрупким, а когда злился или расстраивался, мгновенно краснел лицом. Вид этого «обиженного ребёнка» вызвал у Го Маоли мимолётное чувство вины.

— Ладно, — смягчился он. — В «Хуанъинь Шидай» тебе ловить нечего, но я устрою тебя в другое место. С голоду не помрёшь.

Сунь Цзинь молча, но упрямо вырвал рюкзак из его рук. Выйдя в гостиную, он бросил сумку на диван и отправился за веником. Сначала он тщательно собрал остатки еды, затем дважды вымыл пол с чистящим средством и ещё дважды — чистой водой.

— О чём ты думаешь? Копирайтинг? Реклама? Придётся начинать с низов. Я позвоню другу...

— Я хочу домой.

В комнате повисла тишина. Го Маоли смотрел на племянника. Тот успокоился, лишь глаза оставались красными.

— Столица красивая, — тихо произнёс Сунь Цзинь. — Я проторчал здесь два с половиной года. За всё это время ни разу не был дома, даже на Новый год маму не навестил. Она там одна, ей тяжело. Наверняка скучает... Наготовит сейчас вкуснятины и не выпустит. Поеду к ней. Найду работу в городке, там проще выжить.

Он не смотрел на дядю. Го Маоли видел в зеркале отражение этого парня — лицо, полное растерянности и тихой печали.

— Спасибо, что терпели меня всё это время. И тёте спасибо передайте.

Сунь Цзинь закинул тяжёлый рюкзак на плечо, ещё раз обвёл взглядом гостиную и положил ключи на стол.

— Стиралка там барахлит, и с теликом что-то не то. Залог за квартиру вряд ли вернут... Я вам потом переведу деньги.

Он слабо улыбнулся Го Маоли и вышел за дверь. Через полупрозрачную футболку отчетливо проступили острые лопатки.

Хлопнула дверь.

Го Маоли бессильно опустился на диван. Он всё ещё не мог до конца осознать произошедшее. Кондиционер продолжал нагонять холод. Го Маоли зашёл в ванную умыться и, открыв зеркальный шкафчик, заметил на обратной стороне розовый стикер.

«Давай! Старайся! Ты сможешь! Бери пример с великого дяди! Только вперёд, к деньгам!» — и приписка в виде забавной рожицы.

Го Маоли долго смотрел на листок, затем сорвал его, скомкал и спрятал в карман.

***

Занятия закончились в девять вечера. Чжан Бинь пошёл за машиной, а Цинь Бао спустился вниз подождать его у входа. В офисе «Фэньюй Чуаньмэй» ещё горел свет — многие сотрудники задерживались допоздна.

Стоило выйти из кондиционированного холла, как в лицо ударила ночная духота. Цинь Бао окинул взглядом улицу. Пекин никогда не спал: кто-то только заканчивал работу, кто-то спешил на поздний ужин. На лице у Цинь Бао была чёрная маска — в столице это никого не удивляло, воздух здесь часто оставлял желать лучшего.

Раздался автомобильный гудок. Цинь Бао обернулся. В паре десятков метров, в зоне временной парковки, стояла знакомая машина. Он сразу узнал номер и поспешил к ней.

Стекло опустилось, и на него посмотрел Вэнь Жунси глубокими, чуть прищуренными глазами. Тот улыбнулся и жестом пригласил его внутрь. Цинь Бао бросил быстрый взгляд на двери офиса — Чжан Бинь ещё не появился. Юркнув в салон, он быстро отправил сообщения помощнику и Лоу Фэй, после чего убрал телефон.

За рулём сидел новый водитель. Машина была той же, но два дня назад ею правил седовласый мужчина, а этот был заметно моложе.

— У меня выдалось пару выходных, — Вэнь Жунси заговорил, чуть склонив голову набок. Он едва уловимо усмехнулся. — Точнее, один день уже почти на исходе. Решил заехать узнать, как ты. Слухи и сплетни тебя не сильно донимают?

— А, нет, всё в порядке, — ответив, Цинь Бао тут же вспомнил свой дневной конфуз и невольно пробормотал: — Простите.

— За что?

— На дневном интервью... Я сглупил, позволил им себя подловить, — Цинь Бао опустил голову. Уши под коротким ежиком волос предательски порозовели.

— На ошибках учатся. Тебе стоит поблагодарить режиссёра Мэна — мы с ним заранее согласовали легенду.

— Что?! — Цинь Бао изумлённо вскинул голову.

Смотря новости, он был уверен, что Мэн Юаньдун говорит чистую правду. Он-то думал, что

режиссёр действительно советовал ему обратиться к Вэнь Жунси за советом...

Оказалось, всё это — чистойшей воды выдумка. Вэнь Жунси врал с таким невозмутимым видом, так изящно и убедительно, что это было... по-настоящему круто.

Цинь Бао несколько раз мельком глянул на часы.

— Тебе нужно домой к определённому часу? — спросил Вэнь Жунси. — Есть комендантский час?

— Да нет... — формально его никто не ограничивал, но он знал, что дома его ждут двое братьев, которые наверняка уже извелись от беспокойства.

Цинь Бао достал телефон и набрал домашний номер. Трубку взял Цинь Фэйго.

— Ты где застрял? Мы тут ждём тебя, полночный перекус заказали.

— Брат, ко мне одноклассник приехал, — соврал Цинь Бао, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мы решили перекусить и поболтать немного.

— Одноклассник? — в голосе старшего брата послышалось крайнее недоверие.

— Ну... это ученик учителя Фэна, помнишь, такой, по фамилии Линь. Всё, нам уже несут заказ, не ждите меня, я сразу спать лягу, как вернусь!

Он повесил трубку с молниеносной быстротой и виновато улыбнулся Вэнь Жунси.

— Старший брат... Контролирует каждый шаг: когда встал, что надел, какие фрукты съел. Ему определённо не хватает женщины.

Вэнь Жунси негромко рассмеялся.

— Семья тебя очень любит.

Цинь Бао вдруг осекся. Он вспомнил, что Вэнь Жунси, по сути, сирота с тяжёлой семейной историей. Кажется, он ляпнул лишнего. Он осторожно покосился на актёра, но тот сидел спокойно, глядя в окно на проносящиеся огни города.

— Раз так, поехали сначала перекусим. Тут неподалёку идёт моя старая картина, последние дни в прокате. Хочешь глянуть?

— Хочу! — Цинь Бао оживился. — А что будем есть?

Три часа занятий не прошли даром — в животе действительно урчало.

— Ничего тяжёлого. Поедим диетической каши. Я знаю одно место, хозяйка — бывшая актриса, давно ушла из кино. Там нас точно никто не снимет.

Вэнь Жунси перевёл взгляд на него, и Цинь Бао почувствовал знакомый трепет. Так реагирует любой преданный фанат, но раньше, на шоу «Семьдесят два часа», он умудрялся сохранять невозмутимость. Видимо, перерыв в съёмках пагубно сказался на его актёрских навыках.

— Ты говорил, что смотрел мои работы. Что именно видел? Ту мою «запрещёнку» смотрел? — в голосе Вэнь Жунси послышалось лукавство.

«Запрещёнка» означала, что Цинь Бао мог видеть Вэнь Жунси... во всей красе. Признаться — значит подтвердить, что видел его обнажённым. Сказать «нет» — значит расписаться в том, что ты не настоящий фанат. Это же ловушка!

— Видел... кое-какие отрывки, — осторожно ответил Цинь Бао.

— Ну и как я там?

— Потрясающе! — искренне выдохнул он. На самом деле он посмотрел фильм от начала до конца. В сцене, где герой Вэнь Жунси умирает от СПИДа, Цинь Бао рыдал так, что едва не затопил соседей. Благо, в его комнате звукоизоляция хорошая.

— Я тоже так думаю. Так что, когда вернёшься, досмотри до конца. Там есть чему поучиться.

Цинь Бао неловко хохотнул.

В голове против воли всплыл кадр из фильма: раннее утро, золотистый солнечный свет падает на лицо молодого Вэнь Жунси. Он открывает глаза — чистый, наивный, словно молодой олень, — и с нежностью смотрит на спящего рядом возлюбленного, легонько касаясь его ресниц. А тот, притворяясь спящим, внезапно ловит его за запястье и...

Цинь Бао резко отвернулся к окну, прижавшись лбом к холодному стеклу. Он сделал вид, что его укачало, лишь бы скрыть в темноте свои пылающие щёки.